

УДК 342.7

doi: 10.21685/2072-3016-2025-1-6

О конституционном запрете возбуждения ненависти и вражды

Г. В. Синцов¹, Д. Е. Феоктистов², А. Г. Пархоменко³

^{1,2,3}Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

¹g_sintsov@mail.ru, ²d_e_f@bk.ru, ³alexparhom@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Исследуется конституционно-правовая природа запрета на возбуждение ненависти и вражды по дискриминационным признакам. Авторы проводят сравнительный анализ конституционно-правовых норм и норм уголовного, административного и антиэкстремистского законодательства и судебной практики в части правовой регламентации и применения данного запрета. *Материалы и методы.* Для достижения поставленных целей авторами использовались формально-юридический и сравнительно-правовой методы. *Результаты.* Выявлены неоднозначность научного и нормативного понимания категорий «возбуждение ненависти», «возбуждение вражды», «разжигание розни». В то же время правоприменительная практика не уделяет столь пристального внимания для разделения данных категорий. Одновременно сугубо практическим вопросом в рамках квалификации действия как экстремистского является разграничение не понятий «ненависть» и «вражда», а «вражда» и «угроза применения насилия». *Выводы.* Нормы специального законодательства не должны выходить за пределы конституционно-правовых запретов свободы мысли и слова и устанавливать иные критерии экстремистских правонарушений. Нормы уголовного и административного права должны быть гармонизированы с практикой их применения.

Ключевые слова: возбуждение ненависти, возбуждение вражды, разжигание розни, угроза применения насилия, дискриминация, экстремизм

Для цитирования: Синцов Г. В., Феоктистов Д. Е., Пархоменко А. Г. О конституционном запрете возбуждения ненависти и вражды // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2025. № 1. С. 71–83. doi: 10.21685/2072-3016-2025-1-6

On the constitutional prohibition of inciting hatred and hostility

G.V. Sintsov¹, D.E. Feoktistov², A.G. Parkhomenko³

^{1,2,3}Penza State University, Penza, Russia

¹g_sintsov@mail.ru, ²d_e_f@bk.ru, ³alexparhom@mail.ru

Abstract. *Background.* The article examines the constitutional and legal nature of the ban on inciting hatred and hostility on discriminatory grounds. The authors conduct a comparative analysis of constitutional legal norms and norms of criminal, administrative and anti-extremist legislation in terms of the legal regulation of this ban. *Materials and methods.* To achieve their goals, the authors used formal legal and comparative legal methods. *Results.* The ambiguity of the scientific understanding of the categories “inciting hatred”, “inciting enmity”, “inciting discord” is revealed. At the same time, law enforcement practice does not pay such close attention to separating these categories. At the same time, a purely practical issue in qualifying an action as extremist is not the distinction between “hatred” and “hostility”, but the distinction between “hostility” and “threat of violence”. *Conclusions.* The norms of special legislation and the practice of its application should not go beyond the constitutional and legal prohibitions of freedom of thought and speech, and establish other criteria for extremist offenses.

Keywords: inciting hatred, inciting enmity, inciting discord, threat of violence, discrimination, extremism

For citation: Sintsov G.V., Feoktistov D.E., Parkhomenko A.G. On the constitutional prohibition of inciting hatred and hostility. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences.* 2025;(1):71–83. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3016-2025-1-6

Свобода мысли, свобода слова, свобода выражения мнения признаны базовыми ценностями свободы человека, их необходимым атрибутом и условием развития личности.

Конституция РФ закладывает фундаментальные основы для признания, использования и защиты данных свобод, а также устанавливает определенные правовые рамки, выход за пределы которых не будет отвечать целям обеспечения национальной безопасности. Перечисленные свободы в установленных Конституцией РФ границах – это и определенный набор требований к поведению личности, к форме и способам выражения мнения.

С одной стороны, «свобода мысли и слова подразумевает возможность свободомыслия, инакомыслия и вольнодумства и тем самым гарантирует право человека критиковать общепринятые нормы морали, права, религии» [1, с. 263]. Однако с другой – «в той мере, в какой в обществе существует консенсус по основным общечеловеческим ценностям, абсолютную свободу слова нельзя рассматривать как исключительно позитивное явление в жизни общества» [1, с. 266].

И это конституционное ограничение заложено в ч. 2 ст. 29 Конституции РФ, не допускающей пропаганду или агитацию, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду, запрещающей

пропаганду социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства, а также ч. 5 ст. 13, запрещающей создание и деятельность общественных организаций, цели или действия которых направлены на «разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни»¹.

Данный запрет является своеобразным отражением конституционно-правовой логики самоограничений, установленных ч. 3 ст. 17 Конституции РФ, предусматривающих некую грань между свободой личности и законными интересами других лиц.

Данный конституционный запрет в силу ч. 3 ст. 55 Конституции РФ нашел свое развитие в специальном законодательстве, в первую очередь в Федеральном законе от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (далее – Закон о противодействии экстремизму)².

Как известно, антиэкстремистское законодательство, отождествляя понятия «экстремизм» и «экстремистская деятельность», не предусматривая определения ни одного из них, тем не менее раскрывает их содержание через перечисление:

- отдельных видов преступлений «общего» экстремистского порядка;
- отдельных разновидностей политического экстремизма;
- отдельных видов террористических преступлений;
- административных правонарушений экстремистской направленности;
- мотивов, побуждающих к их совершению;
- общих критериев нарушения по дискриминационным признакам, носящих по своей правовой природе межотраслевой характер.

В литературе неоднократно обращалось внимание, что бланкетность формулировок закона, неоднозначность содержания экстремистской деятельности – все эти факторы опосредуют как неоправданное и даже широкое применение мер запретительного характера [2, с. 110].

Рассмотрим отдельные проявления экстремистских нарушений в контексте их сравнения с конституционными запретами.

Итак, Конституция РФ говорит о нескольких «экстремистских» запретах:

- возбуждения социальной, расовой, национальной или религиозной ненависти и вражды, однако через специальные действия – пропаганду или агитацию (ч. 2 ст. 29);
- пропаганды социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства (ч. 2 ст. 29);
- разжигания социальной, расовой, национальной и религиозной розни – но не в поведении отдельного человека, а через деятельность общественных объединений (ч. 5 ст. 13).

¹ Конституция Российской Федерации : (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

² О противодействии экстремистской деятельности : федер. закон № 114-ФЗ от 25.07.2002 (ред. от 15.05.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3031.

Закон о противодействии экстремизму относит к данному противоправному явлению (ст. 1):

- возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;
- пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- иное любое нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии.

Сравнительный анализ приведенных норм может позволить прийти к выводу, что в специальном законодательстве:

- либо была предпринята попытка определенной инкорпорации конституционных норм в единый экстремистский признак;
- либо законодателем не выдержана единая юридическая техника в определении признаков экстремизма.

Обратим внимание, что закон не называет конкретные виды действий, результатом совершения которых должно быть возбуждение розни, следовательно, можно сделать вывод, в данном случае «возбуждение розни» является мотивом, целью (последствиями) совершения любых действий.

Таким образом, согласно Конституции РФ соответствующие экстремистские действия должны реализовываться в форме агитации или пропаганды либо через противоправную деятельность общественных объединений, в то время как Закон о противодействии экстремизму фактически относит к таковому любые действия, основным признаком которых будет являться мотив (цель) возбуждения розни по дискриминационным признакам.

Как было указано выше, Закон о противодействии экстремизму не разграничивает критерии и виды ответственности за экстремистские правонарушения – законодателем лишь предпринята попытка перечислить ряд экстремистских деяний, отдельные из которых изначально получили закрепление в Уголовном кодексе Российской Федерации (УК РФ), а в последующем, в рамках либерализации уголовно-правовой политики по данным делам, были включены и в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (например, ст. 20.3.1).

Основная «экстремистская» статья 282 УК РФ в настоящее время предусматривает ответственность за «возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства».

Экстремистскими преступлениями признаются такие действия, которые направлены на «возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе»¹.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации № 63-ФЗ от 13.06.1996 (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

Обязательными условиями для квалификации действий по ч. 1 данной статьи (начиная с 01.07.2019¹) являются:

- совершение этих действий публично (в том числе с использованием средств массовой информации или сети Интернет);
- совершение этих действий после того, как за аналогичные действия гражданин уже был привлечен к административной ответственности в течение одного года.

Таким образом, сравнительный анализ конституционного и отраслевого законодательства показывает следующее:

1. Нормы уголовного закона отчасти воспроизвели конституционные нормы (ч. 2 ст. 29), однако без привязки к конкретным действиям.

2. В то же время нормы уголовного закона формально разделяют категории «возбуждение ненависти» и «возбуждение вражды», в отличие от норм конституционного права.

3. Нормы уголовного закона не оперируют категорией «возбуждение розни», в отличие от норм антиэкстремистского законодательства, и категорией «разжигание розни», в отличие от конституционных норм.

4. Уголовно наказуемыми являются не только действия, направленные на возбуждение ненависти или вражды, но и действия, направленные на унижение достоинства одного человека либо группы лиц (такие деяния и критерии отсутствуют в конституционном и антиэкстремистском законодательстве).

5. В уголовном законодательстве к экстремизму относится дискриминация по признаку социальной группы. Причем данное деяние, несмотря на отдельную критику в юридической литературе, имеет определенную корреляцию как с конституционными нормами, так и с Законом о противодействии экстремизму.

Среди исследователей имеется мнение, что такое широкое и формальное неопределенное понятие социальной группы может привести к тому, что к уголовной ответственности будут привлекать за действия, возбуждающие ненависть или вражду по отношению к любому человеку относительно любой его групповой принадлежности (профессии, хобби, стиля жизни, места жительства) [3, с. 308]. Такой законодательный подход, без единого правового знаменателя к обозначению социальной группы, опосредовал не только критику в научном сообществе, но и весьма неординарные предложения, начиная с установления термина «социальная группа» в уголовном законе и заканчивая составлением специального списка социальных групп: своего рода нормативного ориентира для правоприменителя, который в последующем мог бы изменяться и дополняться [4, с. 217]. Конституционный Суд РФ, неоднократно отказывая в принятии жалоб на ст. 282 УК РФ в части проверки категорий «социальная группа» и «мотивы ненависти и вражды», обосновывая

¹ О внесении изменения в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации : федер. закон № 519-ФЗ от 27.12.2018 // Собрание законодательства Российской Федерации. 31.12.2018. № 53 (ч. I). Ст. 8445.

смысл данной нормы целями «охраны общественных отношений, гарантирующих признание и уважение достоинства личности независимо от каких-либо физических или социальных признаков», тем не менее вопросов толкования и понимания термина «социальная группа» не касался¹.

Между тем отметим, что Конституция РФ запрещает:

- пропаганду по признакам социального превосходства;
- пропаганду и агитацию, возбуждающую социальную ненависть и вражду;
- деятельность общественных организаций, направленных на разжигание социальной розни.

При этом Закон о противодействии экстремизму признает экстремистскими:

- как деяния, пропагандирующие исключительность, превосходство или неполноценность человека по социальной принадлежности;
- так и деяния, направленные на возбуждение социальной розни.

С позиции рядового гражданина (а именно с такой позиции необходимо строить архитектуру формулировок данных норм) этимология данных слов должна быть понятна для восприятия. Так, в толковом словаре С. И. Ожегова данные понятия раскрываются одно через другое: вражда – отношения и действия, проникнутые неприязнью, ненавистью; в свою очередь, ненависть – это чувство сильной вражды и отвращения; наконец, рознь – это вражда, ссора [5, с. 164, 617, 1022].

В юридической литературе предпринимались попытки разграничить понятия «ненависть» и «вражда» через эмоциональные и поведенческие аспекты.

Как считает Ю. Е. Пухирь, «ненависть – это своеобразное эмоциональное состояние, способствующее развитию вражды», а вражда реализуется «уже не во внутреннем переживании, а в определенного рода поведенческих действиях. <...> возбуждение ненависти связано с формированием у лиц внутреннего негативного отношения к какой-либо социальной группе, а вот возбуждение вражды уже будет дополняться еще и негативным поведением по отношению к этой группе» [6, с. 92].

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Корта Евгения Сергеевича на нарушение его конституционных прав статьей 282 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ № 1503-О от 18.07.2017 // Гарант. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/71772130/paragraph/12/doclist/170/22/1/0:0> (дата обращения: 18.03.2025) ; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Носика Антона Борисовича на нарушение его конституционных прав статьей 282 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ № 1411-О от 27.06.2017 // Гарант. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/71724294/paragraph/4/doclist/170/23/1/0:0> (дата обращения: 18.03.2025) ; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Поткина Александра Анатольевича на нарушение его конституционных прав статьей 282 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ № 1502-О от 18.07.2017 // Гарант. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/71772132/paragraph/13/doclist/170/30/1/0:0> (дата обращения: 18.03.2025).

Исследователь также делает вывод о неразрывности и взаимосвязанности данных понятий: «Для того чтобы сформировать вражду, необходимо изначально породить ненависть» [6, с. 93].

Несмотря на предпринимаемые попытки разграничения данных категорий, первичным элементом всегда будет являться информация, носящая побудительный характер и имеющая всегда негативный оттенок дискриминационного характера.

А. В. Жеребченко предлагает рассматривать в качестве смыслового содержания рассматриваемого уголовного преступления «попытку столкнуть между собой представителей больших социальных групп, вызвать у них сначала чувства неприязни и ненависти друг к другу, а затем и отношения, пронизанные враждебными действиями» [7, с. 85].

По мнению М. А. Яворского и Д. С. Гордеева, на практике данные категории не получают какого-либо смыслового разграничения. Правоприменители не устанавливают, какие именно действия экстремиста повлекли возбуждение ненависти, а какие опосредовали состояние вражды, обычно суды в приговорах используют формулировку «совершил действия, направленные на возбуждение ненависти и вражды» [8, с. 212].

Избранный правоприменителем подход, по мнению данных авторов, вполне оправдан, поскольку:

- одни и те же действия могут оказать влияние на эмоциональное состояние одного человека либо побудить к определенным действиям другого;
- указанное обстоятельство не будет иметь существенного значения, поскольку квалификация соответствующих экстремистских действий осуществляется по одной и той же статье 282 УК РФ;
- в то же время формальное разграничение указанных категорий даст возможность правоприменителю «выбрать более справедливое наказание в рамках санкции» [8, с. 212].

Несмотря на разницу, порой существенную, в законодательной технике и понимании экстремизма в конституционном и специальном законодательстве, между тем возникают сугубо практические вопросы:

1. Как данные различные юридические подходы находят свое отражение в правоприменительной практике?
2. Разделяют ли суды категории «ненависть», «вражда», «рознь», «унижение достоинства»?
3. Имеются ли какие-либо квалифицирующие признаки, отделяющие одно деяние от другого?

В примечании 2 к ст. 282 УК РФ категории ненависти и вражды разъединены союзом «или» и названы в качестве квалифицирующих мотивов экстремистских преступлений.

Пленум Верховного Суда РФ в п. 7 Постановления от 28.06.2011 № 11 использует формулировки уголовного закона и также разъединяет эти понятия, однако никакой смысловой градации между ними не проводит. Обратим

внимание, что к соответствующим действиям Верховный Суд РФ относит высказывания, «обосновывающие и (или) утверждающие необходимость совершения иных противоправных действий, в том числе применения насилия»¹.

Конституционный Суд РФ, отказывая в принятии жалобы на ст. 282 УК РФ, содержание которой, по мнению заявителя, имеет недостаточную формальную определенность, указал, что диспозиция данной статьи «устанавливает уголовную ответственность не за любые действия, а только за те, которые совершаются с умыслом, направленным на возбуждение ненависти или вражды, а также на унижение достоинства человека или группы лиц»².

Некоторые ответы отчасти можно найти в методических рекомендациях Генеральной прокуратуры РФ «Об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды» (при обязательном учете года их издания)³. Как видно из самого названия, акцент делается только на вопросах возбуждения вражды. Основан данный подход на первоначальной редакции ст. 282 УК РФ, диспозиция которой изначально предусматривала ответственность за «действия, направленные на возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды».

Следует обратить внимание на то, что формы проявления вражды, приведенные в рекомендациях, охватывают собой и категорию возбуждения ненависти: таковыми признаются неприязнь, сильная антипатия, ненависть, желание любыми способами ущемить чьи-либо права и законные интересы.

Анализ данных рекомендаций позволяет сделать вывод, что ее авторы рассматривают ненависть как проявление вражды, а собственно возбуждение вражды синонимично с разжиганием розни.

Таким образом, как судебные разъяснения, так и рекомендации не ориентируют правоприменителя на разделение категорий «ненависть» и «вражда».

Однако отметим, что одной из проблем в данном ключе видится не только соотношение ненависти и вражды как факторов психологического и практического свойства, но и вопросы проявления именно вражды как побуждения к совершению определенных действий. Данный вопрос осложняется тем, что ст. 282 УК РФ в п. «а» ч. 2 имеет квалифицирующий признак «угроза применения насилия». Причем, как известно, для квалификации действий по данной части не требуется первоначального привлечения гражданина к административной ответственности.

¹ О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности : постановление Пленума Верховного Суда РФ № 11 от 28.06.2011 (ред. от 28.10.2021) // Российская газета. 2011. № 142.

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Чулкина Виктора Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 282 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ № 154-О-О от 19.02.2009 // Гарант. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/1790928/paragraph/8/doclist/170/26/1/0:0> (дата обращения: 18.03.2025).

³ Об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды : методические рекомендации Генеральной прокуратуры РФ № 27-19-99 от 29.06.1999. URL: <https://rusexpert.ru/public/biblioteka-pdf/1.42MetRekGenProk1999.pdf> (дата обращения: 18.03.2025).

Рассмотрим этот вопрос через анализ правоприменительной практики.

Так, приговором Егорьевского городского суда Московской области от 25.04.2024 по делу № 1-145/2024 гражданин Ерофеев был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 282 УК РФ¹.

Ерофеев в социальной сети «ВКонтакте» разместил в местной группе под постом, посвященным закрытию общежития для мигрантов, ряд комментариев. Данные комментарии, как установил суд, были направлены на «возбуждение ненависти и вражды неопределенного широкого круга лиц относительно к лицам, выделенной по национальному признаку», информация в них «содержит отрицательную эмоциональную оценку, содержит призывы к осуществлению действий насильственного характера с целью физического уничтожения мигрантов – выходцев из Средней Азии – по признаку национальной принадлежности».

Среди комментариев были следующие: «Предать пламени, чтобы не размножались... уже все заполонили», «Их проще завалить». По делу проводилась оценка и иных комментариев, но ключевыми, как представляется, являются вышеназванные.

В рамках дела была проведена психолого-лингвистическая экспертиза, которая установила, что в указанных фразах в комментариях присутствуют следующие лингвистические и психологические признаки:

1. Побуждение совершения каких-либо противоправных действий (в том числе насильственных, разрушительных, дискриминационных) по отношению к мигрантам. Побуждение выражается в манипулятивных фразах и ориентировано на формирование негативной оценки к определенным нациям и побуждение отдельно взятой группы лиц к действиям.

2. Публичный призыв к экстремистской деятельности, в том числе в виде побуждения к насильственным действиям в отношении лиц определенной национальности.

3. Возбуждения розни (ненависти, вражды), «которые выражаются во сдвиге от позитивной идентичности к гиперидентичности (мы и они) и формировании враждебной установки к признанию и противоправным действиям в данном случае по отношению мигрантам как социальной группе, в подстрекательстве к насильственным действиям в отношении лиц определенной национальности»².

Суд посчитал установленным, что в данных комментариях содержатся лингвистические и психологические признаки возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства (в том числе по принадлежности к социальной группе) с применением насилия или угрозой его применения.

¹ Приговор Егорьевского городского суда Московской области от 25.04.2024 по делу № 1-145/2024 // Гарант. URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/340033016/paragraph/1/doclist/1678/1/0/0> (дата обращения: 18.03.2025).

² Там же.

Обратим внимание, что экспертиза:

- все названные категории розни, вражды и ненависти рассматривает как синонимичные;
- не выделяет специальных признаков и маркеров вражды;
- мигрантов называет социальной группой, а дискриминационные признаки применительно к мигрантам – по критерию национальности.

В свою очередь суд на основе экспертного заключения призывы к осуществлению незаконных действий в отношении мигрантов оценил не только как возбуждающие вражду к мигрантам, но и как угрозу применения к ним насилия.

Таким образом, сугубо практическим вопросом в рамках квалификации действия как экстремистского является разграничение не терминов «ненависть» и «вражда», а «вражда» и «угроза применения насилия».

Отметим, что грань между административными правонарушениями и уголовными преступлениями, направленными на возбуждение вражды в этом ключе, может быть очень тонкой и может зависеть зачастую от позиции эксперта.

Так, Постановлением Нижнеломовского районного суда Пензенской области от 14.02.2024 по делу № 5-17/2024 гражданин Верясов был признан виновным по ст. 20.3.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Как установлено судом, данный гражданин в социальной сети «Одноклассники» увидел видеоролик, в котором «подросток из Средней Азии, выражаясь нецензурно, с ножом набрасывался на сотрудников полиции». «Возмутившись поведением подростка, он под указанным видеороликом разместил комментарий с текстом: “гасить ха**й на глухорая, не зависимо от возраста”» (орфография и пунктуация сохранены – *прим. авт.*).

Проведенное по делу исследование показало, что в данном комментарии имеется «высказывание, выражающее утверждение о необходимости совершения враждебных (насильственных действий) одной группы лиц, объединенных по признакам расы, национальности, языка и происхождения».

Суд посчитал установленной вину гражданина «в совершении действий, направленных на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, публично». Признаков ст. 282 УК РФ судом не установлено¹.

Постановлением Оренбургского районного суда Оренбургской области от 29.05.2024 по делу № 5-116/2024 гражданин Винников был признан виновным по аналогичной статье. Данный гражданин в социальной сети «ВКонтакте», используя свой профиль «Елена Ивановна», разместил в одной

¹ Постановление Нижнеломовского районного суда Пензенской области от 14.02.2024 по делу № 5-17/2024 // Гарант. URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/338432002/paragraph/1/doclist/1660/1/0/0> (дата обращения: 18.03.2025).

из групп ряд комментариев под видеозаписью, в том числе: «Утопить, как муму, всех этих “чу**к”».

Проведенное исследование показало, что в данном комментарии «содержится высказывание, содержащее утверждение необходимости совершения насильственных действий (“утопить”, по отношению к группе лиц, выраженных в тексте комментария как “чу**и”».

Суд квалифицировал деяние как «действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека по признакам национальности». Как и в предшествующем деле, признаков ст. 282 УК РФ не установлено¹.

Таким образом, конституционные запреты, во-первых, существенно расширены в специальном законодательстве; во-вторых, используют иное содержание при установлении признаков, характеризующих экстремизм; в-третьих, зачастую не используются в качестве ориентира правоприменителем.

Как представляется, специальное законодательство, регулирующее вопросы противодействия экстремизму и устанавливающее соответствующие виды юридической ответственности, должно:

- не расширять рамки конституционно-правовых запретов;
- не устанавливать иные критерии экстремизма;
- конкретизировать конституционно-правовые нормы, но в установленных самой Конституцией РФ пределах;
- не объединять все конституционно-правовые запреты в целях создания единого экстремистского нарушения;
- разграничить категории «возбуждение вражды» и «угроза применения насилия» либо исключить данный признак из п. «а» ч. 2 ст. 282 УК РФ.

Список литературы

1. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В. Д. Зорькина. 2-е изд., пересмотр. М. : Норма : ИНФРА-М, 2011. 1008 с.
2. Литвяк Л. Г. К вопросу о понятиях «экстремистская деятельность (экстремизм)» и «преступления экстремистской направленности» // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 5. С.109–112.
3. Араева Л. А., Осадчий М. А. Экспертно-лингвистическая идентификация социальной принадлежности при расследовании преступлений, предусмотренных статьёй 282 УК РФ // Юрислингвистика – 8: Русский язык и современное российское право : межвуз. сб. науч. ст. Кемерово ; Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 307–313.
4. Яворский М. А., Гордеев Д. С. Социальная группа в контексте статьи 282 УК РФ: понятие и анализ правоприменительной практики // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 4-3 (31). С. 216–218.

¹ Постановление Оренбургского районного суда Оренбургской области от 29.05.2024 по делу № 5-116/2024 // Гарант. URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/339956451/paragraph/1/doclist/756/6/1/0:0> (дата обращения: 18.03.2025).

5. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка : ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. проф. Л. И. Скворцова. 28-е изд., перераб. М. : Мир и Образование, 2019. 1376 с.
6. Пухирь Ю. Е. Проблема соотношения ненависти и вражды в рамках статьи 282 УК РФ через призму публичности и СМИ // Вестник Омского юридического института. 2011. № 1 (14). С. 92–94.
7. Жеребченко А. В. Перспектива либерализации уголовной ответственности за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ) // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 3. С. 84–87.
8. Яворский М. А., Гордеев Д. С. Некоторые проблемные моменты определения понятий «возбуждение ненависти либо вражды» и «унижение достоинства человека» в контексте ст. 282 УК РФ // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 4-3 (31). С. 211–215.

References

1. Zor'kin V.D. (ed.). *Kommentariy k Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii. 2-e izd., peresmotr.* = *Commentary on the Constitution of the Russian Federation. The 2nd edition, revised.* Moscow: Norma: INFRA-M, 2011:1008. (In Russ.)
2. Litvyak L.G. On the issue of the concepts of “extremist activity (extremism)” and “extremist crimes”. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki* = *Humanities, socio-economic and social sciences*. 2016;(5):109–112. (In Russ.)
3. Araeva L.A., Osadchiy M.A. Expert-linguistic identification of social affiliation during the investigation of crimes under Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Yurislingvistika – 8: Russkiy yazyk i sovremennoe rossiyskoe pravo: mezhvuz. sb. nauch. st.* = *Jurislinguistics – 8: Russian language and modern Russian law: interuniversity collected articles*. Kemerovo; Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2007:307–313. (In Russ.)
4. Yavorskiy M.A., Gordeev D.S. Social group in the context of Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation: concept and analysis of law enforcement practice. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk* = *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2019;(4-3):216–218. (In Russ.)
5. Ozhegov S.I. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: ok. 100 000 slov, terminov i frazeologicheskikh vyrazheniy. 28-e izd., pererab.* = *Explanatory dictionary of the Russian language: approx. 100,000 words, terms and phraseological expressions. The 28th edition, revised.* Moscow: Mir i Obrazovanie, 2019:1376. (In Russ.)
6. Pukhir' Yu.E. The problem of the relationship between hatred and enmity within the framework of Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation through the prism of publicity and the media. *Vestnik Omskogo yuridicheskogo instituta* = *Bulletin of Omsk Law Institute*. 2011;(1):92–94. (In Russ.)
7. Zherebchenko A.V. The prospect of liberalizing criminal liability for inciting hatred or enmity, as well as humiliation of human dignity (Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* = *Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2019;(3):84–87. (In Russ.)
8. Yavorskiy M.A., Gordeev D.S. Some problematic aspects of the definition of the concepts of “incitement of hatred or enmity” and “humiliation of human dignity” in the context of Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Mezhdunarod-*

nyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2019;(4-3):211–215. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Глеб Владимирович Синцов

доктор юридических наук, профессор
кафедры частного и публичного права,
проректор по международной
деятельности, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: g_sintsov@mail.ru

Gleb V. Sintsov

Doctor of juridical sciences, professor
of the sub-department of private and public
law, Vice-Rector for International Affairs,
Penza State University (40 Krasnaya street,
Penza, Russia)

Данил Евгеньевич Феоктистов

кандидат юридических наук, доцент
кафедры частного и публичного права,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: d_e_f@bk.ru

Danil E. Feoktistov

Candidate of juridical sciences, associate
professor of the sub-department of private
and public law, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Александр Григорьевич Пархоменко

доктор юридических наук, профессор,
профессор-консультант кафедры
государственно-правовых дисциплин,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: alexparhom@mail.ru

Alexander G. Parkhomenko

Doctor of juridical sciences, professor, pro-
fessor-consultant of the sub-department of
state and legal disciplines, Penza State
University (40 Krasnaya street, Penza,
Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 28.02.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 19.03.2025

Принята к публикации / Accepted 24.03.2025